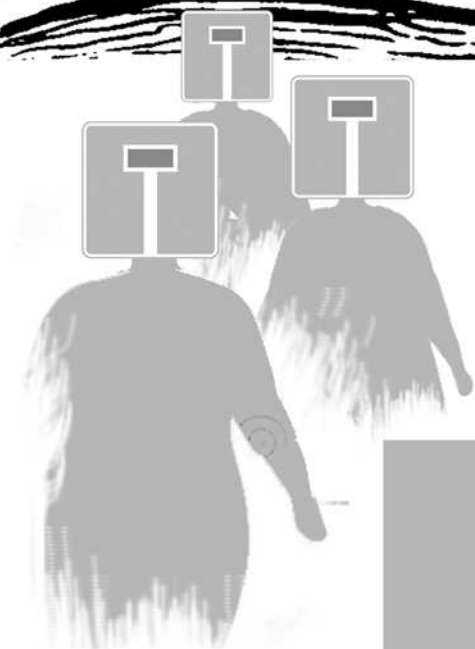

КЛИНИКА

Эпизод первый

Виолетта их всех ненавидела. Своих клиенток. Они были богатые и никому не нужные, хотя не знали об этом. Она, напротив, была нужна всем.

Она была лучшим в городе мастером по борьбе с гравитацией. Ну, вы знаете — ткани тела устают бороться с силами притяжения и чем дальше, тем сильнее тянутся к земле. А она их различными способами натягивает обратно. На морды своих прихожанок. Иногда просто руками. А иногда с помощью дорогих аппаратов и препаратов, которыми забита клиника.

Почему ненавидела? Платили ей хорошо, даже очень, но как-то без уважения. Она постоянно чувствовала, что она просто обслуга, как кухарка или уборщица. Сама же чувствовала себя художником.

Но и это все неважно. Важно, что, наслушавшись за день разговоров этих убогих, она не могла соскрести со своей души помои и глупости. Эту никчемность. Она пробовала брать меньше работы, приходить через день, но это тоже не помогало и раздражало владельцев. В общем, деваться было не куда.

Она пробовала переходить из одного места в другое. Пробовала работать индивидуально. Одна и та же история в конце концов получалась.

Эпизод второй

Клиентка почти не опоздала. Жена крупного застройщика, сама тоже участвовала в бизнесе, продавала картины. Держала галерею. Под шестьдесят со всеми вытекающими.

Жанна Михайловна хотела быть моложе, как все они. Не просто следящей за собой дамой. А радикально моложе. Поэтому она была в их клинике каждый день. Она ходила к ним как на работу.

— Здравствуй, Виолетта, я сегодня не опоздала.

Она стояла у стойки ресепшена и улыбалась. Брючный костюм, ну и все остальное, включая сумку от Диора.

— Здравствуйте Жанна Михайловна! Проходите, пожалуйста, у меня все готово, — сказала Виолетта, улыбаясь в ответ. — Какая вы сегодня свежая и деловая, — добавила она. — Стараемся, — сказала ей дама в спину, проходя в кабинет.

Эпизод третий

Виолетта делала массаж лица, но не простой, а особый, который умела только она. Ну, или почти только она.

Прелесть сегодняшней процедуры был в том, что клиент не мог говорить, или почти не мог. И она могла говорить сама с собой. И она говорила. Внутренние монологи не спасали, но, по крайней мере, отвлекали ее и немного разводили пожиже крепость окружающего мира, который, как ей казалось, смыкался вокруг все плотнее.

— Вы сегодня во сколько заканчиваете, Виолетта? — спросила Жанна Михайловна, когда Виолетта рассматривала результаты полуторачасового труда.

— Сегодня совсем поздно.

— А когда вы посвободнее. Я хотела бы вас пригласить на обед.

Виолетта удивилась, но постаралась скрыть, хотя такое случалось иногда между клиентами и мастерами, но от этой она не ожидала. Всегда такая от-

страненная и холодная Жанна Михайловна гордо и высоко несла себя по жизни.

— Я не знаю,— сказала Виолетта,— надолго мне, наверное, будет сложно. Может быть, в конце недели, тогда если прямо обед.

— Хорошо,— легко согласилась Жанна Михайловна,— я позвоню вам в четверг и договоримся, идет?

— Да, вполне,— ответила Виолетта, провожая клиентку в холл и передавая в руки ассистента. У Жанны Михайловны на сегодня была большая программа.

Эпизод четвертый

В конце дня ее вызвал директор. Попытался увеличить ее часы работы в клинике. Говорил, что клиенты обижаются, не попадая к ней, месяцами ждут. Все они — уважаемые люди.

Ну и уважайте их. Она была непреклонна. С чего она должна убиваться ради них. Ей всего хватает. И она не хочет сходить с ума, пуская потоп мутной воды себе в душу.

Она пыталась спасти себя, но объяснять директору она ничего не стала, разумеется. Он был раздосадован и настаивал на продолжении разговора в ближайшие дни.

— Тема не закрыта, Виолетта Аркадьевна,— сказал он. Она пожала плечами.

— Я могу идти? А то в меня скоро клиент, не успею подготовиться.

Он молча кивнул, она вышла из кабинета.

Что она себе позволяет, подумал он. Директор не любил нерешенных дел и был раздосадован. Какая-то она странная, подумал он. Позвал секретаршу.

— Света, ты ничего такого за Виолеттой не замечала, что говорят о ней? — спросил он раздраженно.

Света была пухлая или, раньше бы сказали, дебелая. Но добрая. Она всех любила. Виолетточка — прелесть, сказала она. К ней народ ломится. Да и мы все к ней хотим, деньги копим, она засмеялась.

— Неужели уйти хочет? — в страхе спросила она. — Этого нельзя допускать. Она хорошая, — уже почти всхлипнула женщина.

— Ладно, иди, — сказал директор.

Эпизод пятый

На ресепшене стояло несколько дам. Одни с процедур, другие на процедуры. Суетились ассистентки. График сбился и теперь надо было забивать возникшие паузы. Усаживали в кресла, разносили напитки.

— Ну как ты? — спросила одна другую.

— Что тут на ходу расскажешь, как-то живем, хлеб, как говорится, жуем, — ответила та.

— Да, я тоже с трудом, — кивнула вопрошавшая. — Несколько раз уже дозы транквилизаторов повышала и вроде все ничего, но одновременно бухать-то нельзя.

— Вот именно, — согласилась вторая. Она была совсем взрослая, очень ухоженная и очень нервная.

— Как твои дети? — спросила первая, слегка мо-
ложе и весьма спокойная, похоже, шампанское дей-
ствовало. Она пила уже третий бокал. Тут не ограни-
чивали. Пастозность помогала улучшать результаты
процедур.

— Да как, бегаю по военкомам, как. И то непонят-
но, чем кончится — одни бояться, другие уже вдруг
и сидят. Бизнес тоже требует усилий. А откуда взять
усилия?

— Да, подруга, усилия брать почти неоткуда.
Ни мотивации, ни желаний, ни страсти.

— Вот-вот.

— Светлана Петровна, вы можете проходить, =
сказала ассистентка той, которая была постарше. Вто-
рая осталась со своим шампанским, а первая пошла
навстречу косметике сосудов и умасливанию тела.
Надо же как-то думать немного о себе.

Эпизод шестой

Ходили в клинику и мужики. Это отдельная песня.
Что было у них в голове, вообще не понятно. Они

были все на каком-то своем драйве и больше теток хотели быть моложе. Даже сорокалетние. Кому-то, правда, полагалось в рамках корпоративной культуры, остальным казалось, что они должны тратить деньги и время на себя, и косметология стояла тут в одном ряду с качалками и рыбалкой.

Они все чувствовали себя либо бонвиванами и гонялись за стаффом, либо были вялые и тихие. Отдыхали в тишине и неге. Последние были основой доходов. Непривередливые и спокойные. Платили безропотно и много. Легко соглашались на экспериментальные процедуры. Прямо как испыталы.

Их все в клинике любили. Даже Виолетта. Это было странно. Но тем не менее.

Эпизод седьмой

Виолетта ждала мать, та должна была прийти в гости из своей или их прошлой совместной Кандалакши. Они плохо понимали друг друга давно, а теперь и совсем перестали.

Мать полностью ушла в телевизор и была прошита и обмотана каналами, как матрос Железняк пулеметными лентами. Она и говорила так. Отыр-висто и веско. Ну, как в том нетленном «Так-так-так» — говорит пулеметчик, «Так-так-так» — говорит пулемет.

Виолетте это все было так неблизко, как и сама эта детская ее Кандалакша. Когда она приехала туда к матери после института, поняла, что бесповоротно отвыкла от барачков, шпала и соседей. Мама этого всего не замечала. И в этом было ее счастье и несчастье Виолетты.

Она побыла тогда в Кандалакше недолго. Спросила, где брат. Мать сказала, а то ты не знаешь — в армии.

Она уехала и больше не возвращалась. Они перезванивались и переписывались. И вот теперь мать настояла прийти. Она откладывала, как могла, но... Но день настал.

Эпизод восьмой

Они сидели в виолеттиной квартире на Новослободской. Сидели и молчали. Они были практически незнакомы теперь, их разделяла интерпретация правды и веры. Их разделяли иллюзии. И надежды. Они могли бы быть общие, но, увы, они были очень разные.

Через несколько часов выяснилось, что виолеттин брат погиб. Мать узнала через год, а Виолетта час назад.

Виолетта встрепенулась, засуетилась и нашла бутылку вина, не могла вспомнить, откуда она взялась. Выпили. Надо ж помянуть. Поплакали. И вроде как стали ближе. Повспоминали общее их с братом детство и опять выпили и стали снова совсем как родные, а потом мать сказала, ну что делать, главное, что не зря. Она еще не договорила, а Виолетте показалась, что она мгновенно стала далека как Луна и так же холодна.

Ну что ты молчишь, спросила мать. Виолетта не знала, что сказать, она никогда не знала, о чем говорить со случайно встреченными незнакомыми людьми. И она молчала. Понятно, сказала мать. Давай спать ложиться. И они легли спать.

Эпизод девятый

Они обедали с Жанной Михайловной. Прошло много времени, она проводила мать. Она пыталась объяснить себе, почему не хочет ехать на похороны. Обещали тело доставить в Кандалакшу. Скоро. Ну, год не доставляли, теперь-то чего торопиться.

— У меня брат погиб, — сказала она после десерта.

— Беда какая, — откликнулась Жанна Михайловна, и положила свою руку на руку Виолетты. — Я могу чем-то помочь, может быть? Организовать что-нибудь или деньги нужны?

— Да нет, ничего не надо, спасибо, — ответила Виолетта. — Тело год не могли опознать. Так что теперь нужды особой ни в чем нет. Мать привыкла, а я, кажется, сама умерла.

— Ну что ты, девочка, — всплеснула руками Жанна Михайловна. — Так нельзя. Надо жить.

— Да я как бы понимаю, что надо, но не понимаю как, а главное зачем.

Эпизод десятый

— Ну как же, — продолжала Жанна Михайловна. Она расплатилась, и они вышли на улицу.

— Надо жить, потому что это лучше, чем не жить.

— Это правда, спасибо. Я просто как-то развалилась совсем. Вы извините меня, я пойду.

Потом задумалась.

— А зачем вы меня пригласили, вам что то нужно?

— Да я хотела поговорить, но теперь понимаю, давай в другой раз.

— Да нет, все нормально. Мне надо переключиться. Что вы хотели?

— Поехали тогда я вас подвезу и поговорим, если вы готовы.

— Да, пожалуйста. Это очень кстати. В клинику тогда меня завезите.

Они поехали. Жанна Михайловна начала говорить. Она хотела открыть клинику и хотела Виолетту. Чтобы она все там сделала. Деньги Жанны, а руки Виолетты. Такая банальная история.

Пока она рассуждала о планах, они приехали.

— Спасибо, — сказала Виолетта, — за обед, за доставку и за предложение — я подумаю. Завтра если я правильно помню, вы у меня на массаже — увидимся.

Жанна Михайловна, соглашаясь, кивнула.

— И вам, Виолетта, спасибо, что согласились меня выслушать. Приятного дня.

Она уехала, а Виолетта осталась. И мама уехала, а Виолетта осталась. И брат ушел, а Виолетта осталась. С этим рефреном «осталась осталась осталась» Виолетта открыла дверь своей клиники.

